

политика

К.О.Телин

ДЕНОМИНАЦИЯ КЛАССА

Ключевые слова: класс, политический процесс, капитализм, марксизм, общество, группы давления

В 1986 г. немецкий социолог Ульрих Бек опубликовал работу «Общество риска», в которой утверждал, что современное индустриальное общество переживает очередную смену парадигмы, вызванную динамикой производственных отношений второй половины XX в. В представлении Бека актуальные социальные процессы наполнялись содержанием почти фантастическим, подлежащим обсуждению скорее в публицистической, нежели в философской и научной среде: не фокусируя внимания на стоявших на повестке дня конъюнктурных вопросах (холодная война, нефтяные шоки, перестройка etc.), Бек вместо этого отмечал всеобщность напряжения, разлитого по обществу, а фактически и прямую неспособность последнего избежать участия в бесконечном карнавале опасностей и рисков. Скептицизм и порождающее бесчисленные риски одиночество человека (и, как ни странно, общества) стали неотъемлемыми чертами концепции Бека; как писал сам автор, «движущую силу классового общества можно выразить одной фразой: „Я хочу есть!“ <...> Движущая сила общества риска выражается фразой: „Я боюсь!“»¹.

¹ Бек [Beck] 2000: 36.

Безотносительно к истинности или ложности концепции Бека (равно как и ее постмодернистской яркости) важно отметить тот приговор, который она выносит общественной среде. Общество стремительно меняется, и трансформируется в нем не только понятие риска, но и иные категории, куда более значимые для политической теории. Как указывает Джованни Арриги, «история постоянно приводит в беспорядок стройные концептуальные построения и теоретические послышки, на основе которых мы пытаемся понять прошлое и предсказать будущее мира, в котором живем»².

² Arrighi [Arrighi] 2008.

К числу важнейших объектов подобной ревизии, бесспорно, относятся теории социальной стратификации и класс как один из основных элементов таковой. Если сегодня лишь у немногих остаются сомнения в общей (за некоторыми исключениями) неактуальности понятий касты или сословия, то мышление в классовых категориях по-прежнему воспринимается в гуманитарных науках *comme il faut*. Примечательно, что популярность классового подхода слабо связана с идеологическими предпочтениями исследователей и политиков: возникнув как понятие строго «левого», класс со временем превратился в подлинно общепотребительный инструмент. Его с равной убежденностью в своей правоте применяют либералы и консерваторы, социалисты и патриоты, о классе

³ Киселев [Kiselev] 2008: 355–356.

с исключительной дотошностью писал Ллойд Уорнер³, не ограниченный, в общем-то, в выборе терминов и категорий. Вероятно, именно с признания столь удивительного положения классовых конструкций и следует начинать их рассмотрение.

С позиций широкого спектра современных исследований в понятии класса соединены два аспекта, в чем-то противоположные и даже противоречащие друг другу. С одной стороны, имеются четко сформулированные теоретические основания для обозначения этим термином некоей группы или даже страты (различия здесь не очевидны, но критически важны⁴); с другой — класс представляет собой политически и (в некоторых случаях) оценочно нагруженное понятие, используемое в устоявшихся марксистских схемах господства и угнетения. В последнем случае класс выступает не столько как инструмент социологического анализа, сколько как политическая категория. Одно дело — вести разговор об отношениях собственности и участии в производстве общественного блага, другое — интерпретировать эти отношения под углом зрения постоянного поддержания политического и идеологического господства.

Марксистская линия в этом плане, бесспорно, последовательна, ибо утверждает базисный статус экономических явлений по отношению ко всем прочим. Однако вне марксистского подхода сочетание двух аспектов «класса» привносит в политический дискурс причудливую химеру, к которой обращаются то с экономико-статистическими, то с откровенно манипулятивными целями. Вершиной подобного преобразования и «деноминации» классовой модели является идея «среднего класса», столь популярная среди политиков, которые ссылками на величие этого «класса» расширяют собственную электоральную базу (в том числе благодаря чрезвычайному плюрализму исследователей в отношении его дефиниций). Стоит повториться: в марксистских построениях есть хотя бы четкая логика, пусть и возвращающая исследователя к допущению об изначальной «скверности» человека, то и дело прибегающего к внеэкономическим средствам для поддержания своего экономического положения. В рамках же современных классовых построений обнаруживается множество связей и закономерностей, не подтвержденных эмпирически и относящихся к некоему умозрительному идеалу. Пол Кругман, например, называет общество среднего класса обществом будущего, так и не объясняя толком, что такое «средний класс»⁵.

Впрочем, обращение к понятию класса вне традиционных левых представлений об экономической природе последнего характерно и для таких исследователей, как Пьер Бурдьё⁶ или Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф⁷. Первый отмечал номинальность устанавливаемых в обществе «классов», указывая на обусловленную их сугубо потенциальной реальностью мобилизационную необходимость⁸; Лакло и Муфф подчеркивали, что для утверждения класса в качестве субъекта социально-политического действия требуется актуализирующая посылка — конституирование себя в рамках дискурсивного пространства⁹.

⁴ Понятие группы не предполагает представления о структурной позиции и роли внутри общественной организации, понятие страты — предполагает в обязательном порядке, поскольку последняя выступает элементом соответствующей схемы.

⁵ Кругман [Krugman] 2009: 51.

⁶ Bourdieu 1983; Бурдьё [Bourdieu] 1993.

⁷ Laclau 1985; Лакло, Муфф [Laclau, Mouffe] 2004; Laclau 2005.

⁸ Бурдьё [Bourdieu] 1993.

⁹ Лакло, Муфф [Laclau, Mouffe] 2004.

Становление класса, в их глазах, de facto представляет собой перформативное действие — чтобы явиться на свет, классу как таковому нужно произнести: «Я существую». С точки зрения Лакло и Муффа, классовая идентичность есть прямой результат политического жеста и дискурсивного конструирования, а не только и не столько экономической реальности¹⁰.

¹⁰ Там же.

Отчасти это примиряет два упомянутых выше аспекта классовой модели, однако ставит перед исследователями новую трудновыполнимую задачу. Становится недостаточным лишь постулировать политическое измерение того или иного класса, необходимо представить основания, имеющиеся для этого в конкретной идентичности и мировосприятии. По сути, это и есть ключевая точка «деноминации» класса: актуальность данного понятия в современном политическом анализе находится под сомнением, поскольку самоконструирование новых или старых групп под лозунгами классовой борьбы пусть не совсем невозможно, но уж точно крайне затруднено. Классовые столкновения если и укладываются в прежнюю, основанную на экономическом антагонизме модель борьбы, то только в новом формате (борьба привилегированных и «исключенных»¹¹, богатых и бедных, олигархов и прекариата¹²). Подобная же реконструкция, во-первых, нуждается в аналитическом (нейтральном или ангажированном) фундаменте, а во-вторых, вполне может оказаться за пределами обычных левых позиций, став достоянием других сил — вплоть до прямых оппонентов социалистов из националистического лагеря.

¹¹ Тэйлор [Taylor] 2002.

¹² Standing 2011.

К важнейшим причинам изменения привычного положения вещей принято относить усложнение материального производства, все большее разнообразие товаров и услуг и невозможность выделения в этом «богатстве народов» некогда реальных категорий «буржуазии», «пролетариата» и пр. Если это утверждение и верно, то лишь отчасти: даже самую разношерстную номенклатуру вполне можно рассматривать сквозь классовую призму, поскольку она базируется на изначальном содержании экономических процессов. Теоретиков, полагающих, будто классы не охватывают весь плюрализм и всю «свободу» рыночной экономики, можно сравнить с биологами, при открытии нового вида пытающимися пересмотреть основы классификации живых организмов.

Единственное рациональное зерно, содержащееся в гипотезе об экономической невозможности классового разделения, состоит в том, что распространение частной собственности действительно усложнило выявление внутри экономики диспозиции тех, кто не владеет хоть какими-то средствами производства. Наличие относительно многочисленной элиты (прежде всего интеллектуальной) за пределами традиционных «сливок общества», да и вообще теория и практика множественных элит¹³, подвергают серьезному сомнению обычное представление об эссенциализме «эксплуататоров» и «эксплуатируемых». Если раньше статус пролетариата подкреплялся многими внеэкономическими пара-

¹³ Даль [Dahl] 2010; Парето [Pareto] 2011.

метрами (отсутствие доступа к правам и свободам, свободного времени etc.), то сегодня иной «человек труда» в данном отношении неотличим от среднестатистического «буржуа», и обнаружить пролетариат в его исконном виде (*haben nichts in ihr zu verlieren als ihre Ketten*¹⁴) не так-то просто. Однако это не значит, что невозможно: достаточно вспомнить тезис Антонио Грамши о переходе от экономического противостояния к культурному¹⁵.

¹⁴ «Нечего терять, кроме своих цепей» (цит. по: Маркс, Энгельс [Marx, Engels] 1848).

¹⁵ Грамши [Gramsci] 1959: 470.

¹⁶ См. Bourdieu 1983.

Куда более важным и знаковым для политического измерения класса является то интеллектуальное, культурное и даже потребительское разъединение, которое превращает любую прежнюю схему в бесконечно сложное пространство, описанное Бурдьё в рамках теории капиталов¹⁶. Глобализация, массовое производство и распространение по планете частного капитала, увязанного в систему оффшорных и транзакционных сетей, формируют среду «глобального разъединения», когда прежние поведенческие модели, культурные связи и идентичности переживают тяжелый период эрозии. И хотя в результате распада ранее существовавших ролей может появиться некая гомогенная масса «трудящихся», из этой возникшей по итогам дезинтеграции и сумятицы массы не образуется «класс-для-себя», ибо такие «трудящиеся» ощущают отсутствие коллективной идентичности. Даже внутри конкретного государства и его политического класса подчас трудно найти основания для идеологических или иных коалиций — последние по большей части носят конъюнктурный характер, выступая в качестве средства поддержания скорее частного, нежели коллективного господства. Класс, *de facto* нуждающийся в групповом самосознании или хотя бы чувстве сопричастности некоей общности, вырождается в примитивную форму олигархии, где даже представители одного как-бы-класса то и дело сталкиваются между собой, не осознавая, чем чреватые подобные игры на пороховой бочке гетерогенного общества. Именно поэтому «внутри-классовые», на первый взгляд, противоречия могут оборачиваться коллапсом всей политической системы, как произошло, например, в Югославии или Ливии.

Олигархия эта лишена того самого классового самосознания, о котором писали Лакло, Муфф и Бурдьё; напротив, она ориентирована на поддержание индивидуально-личностного господства во вполне конкретных сегментах общественной жизни — иное, как правило, есть не более чем продукт конспирологических построений. Подтверждением данного тезиса может служить периодически демонстрируемая «классами» неспособность отстаивать собственные интересы перед лицом не только глобальных, но и внутренних конфронтаций.

Американский социолог Ричард Лахман выделяет три ключевых условия, позволяющих вести речь о монолитной элите (которой, как мы помним, для перевоплощения в класс необходимо еще и соответствующее сознание):

- 1) все ресурсы, отбираемые у производящего класса (классов), присваиваются некоей унифицированной организацией;

- 2) никакая соперничающая элита не способна создать конкурирующую организацию присвоения;
- 3) индивидуальные представители элиты или существующие внутри нее группы не в состоянии подорвать сложившуюся систему управления, лишив опоры других членов элиты¹⁷.

¹⁷ Лакман [Lachmann] 2010: 32.

Вряд ли кто-либо из исследователей согласится с тем, что данные условия соблюдаются сегодня в таком масштабе, при котором можно было бы всерьез говорить о сохранении классовой структуры общества. Напротив, даже при отсутствии серьезных социальных потрясений соперничающие элиты стараются максимально разнообразить способы поддержания статуса своих представителей, не опираясь, по большому счету, на какие-то консолидирующие механизмы. В роли унифицированной присваивающей организации может, конечно, выступать государство, однако современный капитализм парадоксальным (с точки зрения классового подхода) образом ослабляет именно эту организацию, сужая пространство ее монопольного господства. Бесспорно, капитализм продуцирует новые унифицированные структуры — корпорации, концерны, фонды, — но это уже не одна организация, не две и даже не пять; в таких условиях даже стройная логика организованной множественности («коалиций поддержки» в трактовке американского политолога Пола Сабатьера¹⁸) перестает работать. Как указывают Арриги, Иммануил Валлерстайн и Теренс Хопкинс, «упадок есть именно то, что он есть: долгосрочное ослабление центров государственной власти в их взаимоотношениях с главными точками сосредоточения капитала — транснациональными корпорациями, банками и банковскими консорциумами, а также их международными агентами»¹⁹.

¹⁸ Sabatier, Jenkins-Smith (eds.) 1993.

¹⁹ Арриги, Валлерстайн, Хопкинс [Arrighi, Wallerstein, Hopkins] 2008.

В концепции Карла Маркса и Фридриха Энгельса класс фактически представляет собой политическую партию, в случае пролетариата начинающуюся с коалиций, создаваемых рабочими для защиты своих прав, а в случае буржуа подкрепляемую «подчинением всего общества условиям, обеспечивающим их [буржуазный] способ присвоения»²⁰. Однако в современном обществе равно затруднено и то, и другое. Так, профсоюзная деятельность нередко сталкивается с нормативными ограничениями и подчас приобретает чисто номинальный характер, что вызвано целым рядом причин — от торга рабочих за сугубо индивидуальные улучшения или косметическое изменение производственного процесса до корпоративной природы современных профсоюзов. Поведение же правящей прослойки попросту не укладывается в логику «подчинения всего общества» — этому мешают как а priori меньшие аппетиты групп давления, так и принципиально конкурентные отношения между ними, препятствующие объединению в гомогенный класс. Кроме того, «буржуазию» в известном смысле можно назвать жертвой своих собственных действий: конструируя манипулятивные связи и снижая уровень общественных дискуссий, правящая прослойка в какой-то момент начинает играть против себя, становясь заложницей упрощенной и бессмысленной повестки дня. Разделяя и властвуя, бывшая «буржуа-

²⁰ Маркс, Энгельс [Marx, Engels] 1955: 441.

зия» сама становится объектом «глобального разъединения»; кибернетический закон Уильяма Эшби — «управляющая структура должна быть сложнее управляемой» — рушится из-за управленцев.

Сама полярность отношений внутри современного «буржуазного класса» (если мы вообще допускаем его существование) ставит вопрос о необходимости новой интерпретации подобного разъединения: даже если реально имущими представителями класса выступает немногочисленная прослойка глобальных игроков, а все прочие выполняют по отношению к ним роль, близкую к пролетарской, коммуникации и связи внутри элиты оказываются сложнее классовых конструкций. Соперничество элит, непостоянство их предпочтений, целей и интересов, образование «множеств», формируемых не только и не столько на объективной основе, сколько благодаря манипулятивной деятельности, — все это признают и современные левые критики, но даже они не в состоянии предложить сколько-нибудь реальный выход из положения. «Новый исторический блок, как и его предшественники в ходе великих революций прошлого, не может быть тождественен какому-то одному классу», — пишет Борис Кагарлицкий²¹, не отказываясь при этом от концепции классово ориентированной революции. Возникает любопытная с исторической точки зрения ситуация: ведущая роль в грядущем крахе капитализма приписывается классу, хотя составляющие этот класс группы даже не приблизились к классовому сознанию.

Вместе с тем сложившаяся политическая практика возвращает нас к сделанному чуть выше замечанию об «а priori меньших аппетитах групп давления». Левые критики, особенно в лице экономистов, изучающих природу и уровень мирового неравенства, отмечают, что за минувшие 30 лет последнее заметно усилилось: в странах, где разница в доходах стала за этот период лишь несомненно, на сегодняшний день живут семь человек из десяти, а совокупное богатство 85 ключевых бизнесменов равно активам беднейшей половины населения Земли (3,5 млрд. человек)²². В итоге невольно напрашивается вопрос: как же богатейшей прослойке удалось достичь столь выдающихся результатов при отсутствии классового самосознания? Ответ на этот вопрос действительно имеет решающее значение.

Мировая история знает немало примеров прорывного экономического роста, не обеспеченного достаточным уровнем внутренней солидарности, однако проблема распределения богатства и доходов лежит в несколько иной плоскости, на что и обращают внимание левые интеллектуалы. По их заключению, современная глобализация стимулирует догоняющее развитие²³, а это, в свою очередь, благоприятствует ситуации, когда экономический рост, по сути, запускается с вершины социальной пирамиды. «Возникающие запросы [богатых] с течением времени удовлетворяются и возникают новые, а уже удовлетворенные, то есть утратившие актуальность, запросы богатых воспринимаются как актуальные более низкими социальными слоями», — отмечает Леонид Ионин²⁴, фактически выступая с апологией неравенства, причем

²¹ Кагарлицкий [Kagarlickij] 2013: 78.

²² <http://www.oxfam.org/sites/www.oxfam.org/files/bp-working-for-few-political-capture-economic-inequality-200114-en.pdf>.

²³ Алексейчук [Aleksejchuk] 2013.

²⁴ Ионин [Ionin] 2010: 69.

не только в экономической сфере. Вполне естественно, что такое положение устраивает не всех интеллектуалов, поскольку, как показывает практика, удовлетворение запросов богатых приводит к нарастающей дивергенции: верхние децили сосредоточивают в своих руках все больше средств, de facto исключаемых из базы доходов прочих членов общества.

Однако подобная ситуация отнюдь не обязательно свидетельствует о классовой солидарности, не говоря уже о консолидации «буржуазных» собственников. Во-первых, современные финансовые инструменты, лазейки в антимонопольном законодательстве и лоббистские практики открывают возможность создания тех самых конкурирующих «организаций присвоения», которые разрушают, а вовсе не укрепляют монолитность элиты. Во-вторых, наблюдаемая мультипликация богатства и доходов зачастую носит спекулятивный и даже иллюзорный характер: лидеры списка Forbes регулярно приобретают и теряют миллиарды долларов²⁵, что практически никак не сказывается на процессах производства и потребления. И, наконец, в-третьих, рост дивергенции связан с дополнительным ослаблением низших слоев, в результате экономических кризисов лишаящихся постоянной работы, доступа к институтам социализации и привычным моделям потребления. Расслоению способствует эффект низкой базы, а не осознанные классовые усилия.

Осуществляемое на основе статистических выкладок объединение всех сверхбогатых в некую эссенциальную общность возвращает нас к уже обозначенной двойственности «класса», представляющего то как социальная группа, то как политическая категория. Вступая тем самым в область сугубо умозрительных допущений, использующие данную категорию исследователи подвергают себя риску чрезмерной ангажированности, влияющей на итоги научной работы.

Дополнительным обстоятельством, мешающим принять тезис о классовом характере нынешнего расслоения, является статистика слияний, поглощений и банкротств, оказывающих глубокое воздействие на корпоративный сектор экономики. Деиндустриализация, глобализация, изменение межсекторного баланса — все это резко меняет конъюнктуру даже в развитых странах. Несмотря на показное богатство, положение современного предпринимателя в известной степени нестабильно, ибо оно не базируется ни на сословной принадлежности, ни на принципиальной угнетенности наемного работника, что порождает дополнительные критические издержки, препятствующие формированию классового сознания.

К подобным издержкам относится, в частности, зыбкость самих социальных маркеров принадлежности к богатым слоям общества, в условиях упадка идеологии (порой называемого «деидеологизацией») редуцируемых до сферы потребления. В ситуации зафиксированного еще Гербертом Маркузе «поглощения» идеологии, которая становится уже не совокупностью воззрений, а лишь доступным набором моделей потребления²⁶, классовое сознание приобретает слишком узкие или, напротив, гротескные черты, приличествующие скорее прозе Брета

²⁵ Показательна история бразильского предпринимателя Эйке Батисты, чье состояние за 2011—2013 гг. сократилось с 30 до 1(!) млрд. долларов при отсутствии стихийных бедствий, аварий на предприятиях и иных форс-мажорных обстоятельств, связанных с основными фондами и производственными циклами.

²⁶ Маркузе [Marcuse] 1994: 10.

Истона Эллиса, нежели политическому процессу. По справедливому замечанию Ральфа Дарендорфа, «место идеологии в современном обществе занимает общественное мнение», категория куда более гибкая и ситуативная, нежели программно-ценностные установки²⁷; в результате даже находящиеся на вершине пирамиды распределения оказываются в ловушке «эксклюзивного потребления» и еще более переменчивой моды в области стиля и поведения.

²⁷ Дарендорф [Dahrendorf] 1998: 61.

Потенциальное классовое сознание «имущих» размывает и концепция «среднего класса», направленная, казалось бы, против традиционного левого дискурса и критики, связанной именно с проблемой распределения общественного богатства. Согласно данным социологических исследований, к среднему классу предпочитают относить себя не наименее, а наиболее обеспеченные члены общества: при медианной отметке принадлежности к middle-class в 70 тыс. долларов годового дохода²⁸ к нему причисляют себя люди с 250 тыс. долларов²⁹. Как отмечает Пол Кругман, «люди с доходами, в четыре-пять раз превышающими медиану, в лучшем случае считают себя высшим средним классом»³⁰, причем, по свидетельству индийского социолога Дипанкара Гупта, подобная «принижающая» тенденция характерна для многих стран, в том числе Индии и Великобритании³¹. В итоге конституирование класса, о котором писали Лакло и Муфф, оказывается невозможным: в условиях, когда существенная часть преуспевающих членов общества намеренно отсекает себя от еще более успешных его представителей, на выходе образуется тот самый «1%», против эксклюзивного положения которого активно протестовало движение *Occupy Wall Street*.

²⁸ *The Lost Decade* 2012.

²⁹ *Lustgarten* 2014.

³⁰ Кругман [Krugman] 2014.

³¹ *Mustafi* 2013.

Конечно, дополнительную опору «бизнес-классу» может составить государство, о потенциальной роли которого также упоминалось. Однако многочисленные неolibеральные реформы государственного управления, по своему замыслу призванные поддержать именно бизнес, в итоге сводят на нет и эту возможность: государство теряет не столько монополию на принуждение (силовое и экономическое), сколько свою прежнюю роль хранителя идентичности. Будучи убеждены, что в свое время государство «хватило лишку в смысле единого образа» системы образования, de facto отвечающей за усвоение общих ценностей, и что эту систему следует денационализировать³², неolibералы обвиняют государства в том, что «они замешают ценности людей чужими ценностями»³³, доказывая, что чем меньше государство будет вмешиваться в вопросы культуры и идентичности, тем свободнее и лучше будет общество. Но подвергнутое такому реформированию государство, по сути, становится лишь одним из многих акторов культурной и информационной политики — и не всегда самым весомым. Верхние же слои общества нуждаются прежде всего в идеологическом оправдании их господства, сил на которое у ослабевшего и дискредитировавшего себя государства попросту не остается.

³² Фридман [Friedman] 2006: 122.

³³ Там же: 230.

Даже вступая в корпоративный сговор с представителями «буржуазного класса», государство способно гарантировать положение лишь

конкретных игроков, а не социальной группы в целом: иными словами, вместо полноценного пакта получается своеобразная «личная уния». В целом это не обязательно противоречит устойчивости существующей модели, однако, как отмечает Филипп Шмиттер, появление современного корпоративизма продиктовано «скорее определенным набором обстоятельств, нежели функциональными качествами <...>». Нынешняя фаза развития цикла деловой активности такова, что капиталисты не видят особой (или какой-либо вообще) пользы в том, чтобы связывать себя консенсуальными критериями»³⁴. Отсутствие же подобных критериев порой выливается в трансформации, которые, будучи нацелены на сохранение политической элиты, вместе с тем предполагают полный пересмотр корпоративных договоренностей, причем возможными причинами такого пересмотра могут служить «защита прав потребителя, качество жизни, экология, отношения между полами, этические и иные проблемы»³⁵. В результате отношения между корпорациями, а также между ними и государством перемещаются на мезоуровень, фактически превращаясь во взаимоотношения внутри конкретных отраслей экономики, что полностью лишает исследователя возможности использовать при анализе классовый подход³⁶.

³⁴ Шмиттер [Schmitter] 1997: 15.

³⁵ Там же: 17.

³⁶ Там же.

Немало примеров подобного рода дает финансово-экономический кризис 2008 г. — в частности, в США и Испании, где, несмотря на сохранение общего состава политического истеблишмента, корпоративные договоренности оказались под ударом и динамика экономического развития внезапно стала определяться не внутренней логикой «классового господства», а популистскими тенденциями, возобладавшими в рамках всей политической системы. Конечно, такое развитие событий не знаменует собой торжество полиархии или партисипативной демократии, однако оно ставит под вопрос валидность употребления классовых концепций в противовес, например, олигархическим схемам.

Приведенная выше мысль Шмиттера отсылает нас к развернувшейся более полувека назад дискуссии между Никосом Пуланзасом и Ральфом Милибэндом, в которой первый из теоретиков указывал на *структурную* включенность классовой системы в механизмы капиталистического государства. При этом, частично соглашаясь с Альтюссером, греческий мыслитель подчеркивал, что «если капиталистическое государство хочет успешно действовать именно как классовое государство, защищая долгосрочные интересы буржуазии, то оно должно сохранять какую-то степень автономии от правящего класса»³⁷. Для настоящего исследования данный тезис имеет значение в той мере, в которой фиксирует роль государства даже в рамках концепции *entente cordiale* капитализма и классовой теории. Государство оказывается своего рода гарантом классового господства, хотя и не афиширующим такую свою природу, но неолиберальные установки ставят под сомнение его способность к медиации, «сплочению формации и нагромождения различных способов производства»³⁸. Чрезвычайно важным, однако, представляется то обстоятельство, что основные работы Пуланзаса написаны

³⁷ Цит. по: Алексеева [Alexeeva] 2000: 250.

³⁸ Пуланзас [Poulantzas] 1997.

до расцвета неолиберализма в экономической практике как развитых, так и ряда развивающихся стран. Даже если исключить из рассмотрения произошедшее позже дробление суверенитета, ограничившее пропагандистские возможности государства, выводы неутешительны: государство должно поддерживать бизнес и финансами, но приватизация и дискреция не позволяют ему аккумулировать ресурсы в достаточном для удовлетворения appetites бизнеса объеме. На выходе мы имеем противоречие между краткосрочной выгодой от внедрения корпоративистских практик и долгосрочными последствиями подобной «капитализации» государства: типичная скрытая петля системной динамики. Для того чтобы избежать ловушки, государство, призванное поддерживать классовую структуру, вынуждено исключать себя из нее. Учитывая же специфику принятия политических решений, нельзя абстрагироваться от возможности «чрезмерного исключения», которое разрушит любое представление о прочной структурной зависимости государства от схем классового господства.

Имеются и другие причины, не позволяющие согласиться с тезисом о неперменном структурном совпадении капитализма и классового общества. О его неадекватности свидетельствует, в частности, опыт социальных трансформаций европейских обществ. В XV—XVIII вв. некоторые из них развивались по довольно специфической траектории: там так и не появилось полноценного классового антагонизма, поскольку «без защиты того или иного небуржуазного слоя буржуазия оказывалась политически беспомощной»³⁹, а внешние рынки по степени своей привлекательности для купцов и предпринимателей значительно превосходили внутренние. Наличие подобных моделей капитализма, не вписывающихся в примитивные представления о его генезисе, указывает на возможность капиталистических порядков с неясным классовым делением, а то и отсутствием выраженного антагонизма внутри классовой структуры, которые должны рассматриваться скорее не в традиционной марксистской, а в миросистемной перспективе. Иными словами, аргументы Пуланзаса если и справедливы, то лишь по отношению к частным случаям, пусть наиболее частым и классическим, и не затрагивают системной логики.

Разумеется, это не снимает остроты противостояния внутри капитализма — расслоение действительно нарастает, а угнетение и изъятие становятся все более очевидными. Если в 2000 г. «двести самых богатых людей в мире располагали ресурсами, превышающими ресурсы двух миллиардов самых бедных»⁴⁰, то сегодня, как уже говорилось, совокупное богатство 85 «плутократов» равно активам 3,5 млрд. человек. Вместе с тем само угнетение сейчас мало напоминает столкновение двух обособленных и осознающих свое положение «классов». По заключению итальянского политического теоретика Данило Дзоло, в современном обществе возрастает отчуждение уже не от продукта, а от самого труда, вследствие чего мощнейший профессиональный канал социализации оказывается связан не с усилением, а с ослаблением чувства

³⁹ Arrighi [Arrighi] 2006: 173.

⁴⁰ Дзоло [Zolo] 2010: 13.

⁴¹ Там же. сопричастности⁴¹. Угнетение производительных сил определенной социальной группой отнюдь не свидетельствует о ее внутреннем сплочении; да и само существование такой группы может быть сугубо номинальным и базироваться лишь на институциональных формах, обеспечивающих воспроизводство акта принуждения. Как отмечает Пол Уэзерли, хотя в инструментальном плане государство может быть орудием некоей социальной силы, в условиях сложного общества и политической конкуренции поддержание эксклюзивного положения какой-либо из этих сил маловероятно⁴²; Милибэнд, в свою очередь, подчеркивает, что «правящий класс не монолитен и не может действовать в качестве агента-принципала»⁴³.

⁴² Wetherly 2007: 110—112.

⁴³ Miliband 2007: 71.

Возможно и еще одно возражение против классовой теории, указывающее на ситуацию, когда накопленные классами внутренние противоречия приводят к постепенному размыванию изначальных позиций. Слово Питеру Фразе: «Национально-освободительные и феминистские движения заставили признать тот факт, что старая концепция рабочего класса отводила центральную роль белым мужчинам из числа „рабочей аристократии“, маскируя как неоплачиваемый домашний труд, так и роль расизма в исключении не-белых из привилегированных секторов экономики, и как бы ни любили старые левые изображать рабочий класс в качестве универсальной идентичности, суммирующей частные интересы, рабочий класс в социологическом смысле всегда был видом политики идентичности»⁴⁴. Таким образом, социологическая конструкция класса вновь наталкивается на мультиплицированные политические связи, более того, класс опять предстает в виде эссенциалистской ловушки, средство избежать которой — политика идентичности — оказывается незаслуженно забыто. Впрочем, некоторые оппоненты Фразе предлагают рассматривать идентичность в контексте прежних классовых столкновений, апеллируя к разработкам как Франкфуртской школы, так и более поздних исследователей⁴⁵, анализирующих потребность людей в самопредставлении и идентификации в рамках теории рационального выбора.

⁴⁴ Фразе [Frazee] 2012: 153.

⁴⁵ Aguiar 2008.

Неготовность левых мыслителей к отказу от использования классовой теории применительно к современному политическому процессу во многом обусловлена тем, что связь капиталистического государства и классовой борьбы вытекает из внутренней логики марксистской теории, постулирующей комплементарность этих феноменов. Пересмотр данного представления требует частичной ревизии марксизма, неизбежно порождающей обвинения в логических ошибках, или отказа от теории в целом, что, естественно, снимает с повестки дня и рассматриваемый вопрос. Но подобная приверженность ортодоксальной марксистской позиции чревата серьезными проблемами: оперируя аргументами, увязывающими классовую борьбу с актуальной политикой, представители левого фланга невольно превращают свою коммуникацию в публичном пространстве в замкнутую конструкцию, что ведет, в свою очередь, к болезненному разрыву между теорией и практикой. И хотя левое

движение с ним уже неоднократно сталкивалось (к примеру, после 1956 или 1968 г.), в условиях современной неустойчивости этой части политического спектра он способен повлечь за собой катастрофические последствия.

В сложившейся ситуации марксисты и другие левые, придерживающиеся классовых позиций, оказываются элементом той самой системы, с которой столь истово борются, ведь выделение в «неоднородной массе» классового интереса невольно сужает угол зрения соответствующего игрока или даже превращает его в раба теоретических конструкций. «Цепочки случайных изменений начинаются с элит, а не с классов или индивидуумов», — пишет Ричард Лахман⁴⁶, справедливо указывая на приоритет полуноминальной группы (элиты) перед нуждающимся в саморефлексии классом. И пока организационными и мобилизационными методами не преодолен драматический разрыв между реальностью аморфных номинальных групп и утопией классовых ристалищ, самая острая дискуссия левого толка обречена оставаться не более чем самообманом.

⁴⁶ Лахман [Lachmann] 2010: 31.

Библиография

Алексеева Т.А. 2000. *Современные политические теории: От концепций к теориям.* — М. [Alekseeva T.A. 2000. *Sovremennye politicheskie teorii: ot koncepcij k teorijam.* — М.].

Алексейчук П. 2013. *Следующая конвергенция* [Aleksejchuk P. 2013. *Sledujushhaja konvergencija*] (<http://rabkor.ru/culture/books/2013/06/06/spence>).

Арриги Дж. 2006. *Долгий двадцатый век.* — М. [Arrighi G. 2006. *Dolgij dvadcatyj vek.* — М.].

Арриги Дж. 2008. Глобализация и историческая макросоциология // *Прогнозис.* № 2 [Arrighi G. 2008. *Globalizacija i istoricheskaja makrosociologija* // *Prognosis.* № 2] (http://www.intelros.ru/pdf/Prognosis/Prognosis_2_2008/2.pdf)

Арриги Дж., Валлерстайн И., Хопкинс Т. 2008. 1989-й как продолжение 1968-го // *Неприкосновенный запас.* № 60 [Arrighi G., Wallerstein I., Hopkins T. 2008. *1989-j kak prodolzhenie 1968-go* // *Neprikosnovennyj zapas.* № 60].

Бек У. 2000. *Общество риска: На пути к другому модерну.* — М. [Beck U. 2000. *Obshhestvo riska: Na puti k drugomu modernu.* — М.].

Бурдьё П. 1993. *Социология политики.* — М. [Bourdieu P. 1993. *Sotsiologiya politiki*] (<http://bourdieu.name/content/burde-sociologija-politiki>).

Грамши А. 1959. Тюремные тетради // Грамши А. *Избранные произведения: В 3 т.* Т. 3. — М. [Gramsci A. 1959. *Tjurennyje tetradi* // Gramsci A. *Izbrannye proizvedenija: V 3 t.* Т. 3. — М.].

Даль Р. 2010. *Полиархия: Участие и оппозиция.* — М. [Dahl R. 2010. *Poliarhija: Uchastie i oppozicija.* — М.].

Дарендорф Р. 1998. *После 1989: Мораль, революция и гражданское общество. Размышления о революции в Европе.* — М. [Dahrendorf R. 1998. *Nach 1989: Moral, revolution und buergerliches Gesellschaft. Reflexionen ueber die Revolution in Europa.* — М.].

dorf R. 1998. Posle 1989: Moral', revolyutsija i grazhdanskoje obshchestvo. Razmyshlenija o revolyutsii v Yevrope. — М.].

Дзоло Д. 2010. *Демократия и сложность: реалистический подход.* — М. [Zolo D. 2010. Demokratija i slozhnost': realisticheskij podhod. — М.].

Ионин Л.Г. 2010. *Андейт консерватизма.* — М. [Ionin L.G. 2010. Ardejт konservativizma. — М.].

Кагарлицкий Б. 2013. *Неолиберализм и революция.* — М. [Kagarlickij B. 2013. Neoliberalizm i revoljucija. — М.].

Киселев К.В. 2008. *Миф о среднем классе: Основания конструирования и политические функции.* — Екатеринбург [Kiselev K.V. 2008. Mif o srednem klasse: Osnovaniа konstruirovaniа i politicheskioe funktsii. — Yekaterinburg] (<http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2008/23.pdf>).

Кругман П. 2009. *Кредо либерала.* — М. [Krugman P. 2009. Kredo liberala. — М.].

Кругман П. 2014. Переосмысление среднего класса // *Независимая газета.* 10.02 [Krugman P. 2014. Pereosmyslenie srednego klassa // Nezavisimaja gazeta. 10.02] (http://www.ng.ru/krugman/2014-02-10/5_middle_class.html).

Лакло Э., Муфф Ш. 2004. *К радикальной демократической политике: Предисловие ко второму изданию «Гегемонии и социалистической стратегии»* [Laclau E., Mouffe Ch. 2004. K radikal'noj demokraticheskoy politike: Predislovie ko vtoromu izdaniju «Gegemonii i socialisticheskoy strategii»] (<http://www.politizdat.ru/outgoung/15/>).

Лахман Р. 2010. *Капиталисты поневоле: Конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени.* — М. [Lachmann R. 2010. Kapitalisty ponevole: Konflikt elit i jekonomicheskie preobrazovanija v Evrope rannego Novogo vremeni. — М.] (<http://www.prognosis.ru/lib/Lachmann.pdf>).

Маркс К., Энгельс Ф. 1848. *Манифест коммунистической партии* [Marx K., Engels F. 1848. Manivest kommunisticheskoy partii] (<http://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm>).

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. *Сочинения.* 2-е изд. Т. 4. — М. [Marx K., Engels F. 1955. Sochinenija. 2-e izd. T. 4. — М.].

Маркузе Г. 1994. *Одномерный человек.* — М. [Marcuse H. 1994. Odnomernyy chelovek — М.] (<http://www.bks-mgu.ru/fulltxt/A125.pdf>).

Парето В. 2011. *Трансформация демократии.* — М. [Pareto V. 2011. Transformacija demokratii. — М.].

Пуланзас Н. 1997. Политическая власть и социальные классы капиталистического государства // Семигин Г.Ю. (ред.) *Антология мировой политической мысли.* Т. 2. — М. [Poulantzas N. 1997. Politicheskaja vlast' i social'nye klassy kapitalisticheskogo gosudarstva // Semigin G.Ju. (red.) Antologija mirovoj politicheskoy mysli. T. 2. — М.] (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/50.php).

Тейлор Ч. 2002. *Демократическое исключение (и «лекарство» от него?)* [Taylor Ch. Demokraticheskoe iskljuchenie (i «lekarstvo» ot

nego?)] (http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/multiculture/exclusion).

Фразе П. 2013. Воображаемое сообщество // *Социология власти*. № 3 [Frazе P. 2013. Voobrazhaemoe soobshhestvo // *Sociologija vlasti*. № 3] ([http://socofofpower.ane.ru/uploads/3\(2013\)/SV11.pdf](http://socofofpower.ane.ru/uploads/3(2013)/SV11.pdf)).

Фридман М. 2006. *Капитализм и свобода*. — М. [Friedman M. 2006. *Kapitalizm i svoboda*. — M.] (http://freemarket.tj/images/stories/books/friedman_capitalismfreedom.pdf).

Шмиттер Ф. 1997. Неокорпоративизм // *Полис*. № 2 [Schmitter Ph. 1997. Neokorporativizm // *Polis*. № 2].

Aguiar F., Francisco A. de. 2008. *Can Rational Choice Cope with Identity?* Paper presented at the First ISA Forum of Sociology. Barcelona (Spain). Sept. 5–8 (<http://digital.csic.es/bitstream/10261/7758/1/conferencialfernando.pdf>).

Bourdieu P. 1983. Okonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital // Kreckel R. (ed.) *Soziale Ungleichheiten*. — Goettingen.

Laclau E. 2005. *On Populist Reason*. — L.

Laclau E., Mouffe Ch. 1985. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. — L.

Lustgarten S. *The New Rich: How \$250k a Year Became Middle Class* (<http://frugaling.org/the-new-rich-middle-class/>).

Miliband R. 2004. *Marxism and Politics*. — L.

Mustafi S.M. 2013. *Why Indian Elites Like to Call Themselves «Middle Class»* (http://india.blogs.nytimes.com/2013/05/17/why-indian-elites-like-to-call-themselves-middle-class/?_php=true&_type=blogs&_r=0).

The Lost Decade of the Middle Class. 2012 (<http://www.pewsocial-trends.org/2012/08/22/the-lost-decade-of-the-middle-class/>).

Sabatier P., Jenkins-Smith H. (eds.) 1993. *Policy Change and Learning: An Advocacy Coalition Approach*. — Boulder.

Standing G. 2011. *The Precariat: The New Dangerous Class*. — Bloomsbury.

Wetherly P. 2007. Can Capitalists Use the State to Serve Their General Interests? // Wetherly P., Barrow C., Burnham P. (eds.) *Class, Power and the State in Capitalist Society: Essays on Ralph Miliband*. — Basingstoke.